



ИНТЕРЕСНАЯ ВЫСТАВКА

Сегодня, завершив свою работу в Ленинграде, в Москву отправилась передвижная выставка французских научных и измерительных приборов. Показ был организован Всесоюзной торговой палатой и Комитетом по распространению измерительного оборудования Франции.

Новейшие приборы вызвали большой интерес у посетителей. Высокую оценку заслужили электронно-счетная машина «Мульти-8», запоминающие устройства, другое оборудование для научно-исследовательских центров и производственных лабораторий.

ВСЕ ПОЧВЫ МИРА

Название выставки было: «Главнейшие виды почв, одевающие земной шар». А под склоном лежало всего несколько стеклянных пузырьков с землей. Так 66 лет назад выглядели экспонаты первого в мире почвенного музея, созданного в Петербурге Вольным экономическим обществом...

Выставка, которая открылась сегодня в Центральном музее почвоведения имени В. В. Докучаева, представляет действительно весь спектр почв планеты. Знаменитая болгарская смолница и «царь почв» — кубинский чернозем, седые подзолы Норвегии и вечномерзлые почвы тундры, красноземы и сероземы Америки, горнолуговые солончаки Монголии, почвы сирийских пустынь... Десятки метровых стеклянных футляров заполнены почвенными монолитами. Они переданы недавно зарубежными учеными в дар ленинградскому музею.

СТОЛИЦА ФОНТАНОВ ЖДЕТ!

Сегодня в Петербурге завершаются последние приготовления к празднику. Завтра в 11 часов в столице фонтанов состоятся торжественное открытие летнего сезона. В программе большого народного гуляния — концерты, игры, выставки, экскурсии.

Первые в нынешнем сезоне гости Петербурга увидят много нового. В Монплезире восстановлена спальня Петра I, в Большом дворце воссоздан Штандартный зал. Музейные экспозиции пополнились редчайшими произведениями искусства.

С завтрашнего дня в Петербурге в виде опыта вводится сезонный таксометровый маршрут № 9: вокзал — фонтаны. Он будет действовать по воскресным и праздничным дням.

Микроавтобусы «Латвия» пойдут от станции Новый Петергоф по улице Аврова, Красному проспекту, Большой Советской улице, Советской площади и улице Дворцов и Музеев.

СЕГОДНЯ В ГАЗЕТЕ

ФОПРАВДА

• Встреча руководящих деятелей СССР и ГДР.

• Торжественное открытие Дней чехословацкой культуры. Кому снимать телефильмы у голубого экрана. Статья директора Ленинградской студии телевидения Б. Маркова.

• Вручение международной Ленинской премии Шафи Ахмеду аш-Шейху.

РЫ КИНО

ист Ульянова молодого африканского государства за независимость и свободу возвращает зрителей фильм тунисского режиссера Омарра Хлифи «РАССВЕТ».

Содержание фильма — шорокиноповести «МОРЕ, ЕБО», по-

режиссеры Ахмудбеков и Азизов. Все они, рискуя жизнью, выполняют указания подпольного центра.

ХЛЕБ ИСКУССТВА

ПУТЕШЕСТВИЕ
В МИР ПРЕКРАСНОГО

Однажды летом на грязной, шумной улице Парижа, в доме старого портного Шампи, у его дочери, модистки, родился сын. Мальчика называли Пьер Жан. Вскоре его поручили заботам кормилицы. У той с первых же недель пропало молоко. И добрая женщина, ничего не сказав родителям своего питомца, заменила ему детскую кашицу, пообещав родной Бургундии, хлебом, смоченным в вине.

Когда мальчику исполнилось девять лет, его отдали в один из пансионов Сент-Антуанского предместья. Два ярких воспоминания тех лет сохранились в памяти Пьера Жана навсегда.

14 июля 1789 года воспитанники взобрались на крышу здания и радостными криками приветствовали падение Бастилии.

И еще воображение Пьера Жана поразил глубокий старик, приезжавший в пансион к своему внуку, — знаменитый писатель Шарль Симон Фавар, автор многих пьес, комических опер и песен.

Пьеру Жану пришлось перепробовать множество профессий и занятий. Он был церковным служаком — и вонзил церковников. Работал типографским подмастерьем — и полюбил сумрачное царство книгопечатания. Учился ювелирному делу — и ощущал презрение к богатству. Служил трактирным слугой — и сблизился с простым парижским людом. А когда отец поручил ему работу в библиотеке, Пьер Жан запомнил читал Расина, Руссо и Лафонтена. Юноша всегда выбирал себе занятие, которое давало бы ему возможность оплачивать каморку на чердаке, пить дешевое вино и пользоваться свободой.

Но чем бы он ни занимался, два ярких впечатления детства исподволь определяли его судьбу. Пьер Жан начал сочинять песни — по примеру Фавара. И в их коротких, энергичных строчках часто звучал гимн революции, день рождения которой он встретил на крыше своего пансиона.

Надо сказать, что наряду с революцией место в сердце поэта делила юная Лизетта. То была ветреная, но чистая душой бедная швея. Когда первая возлюбленная поэта — революция — привела его в тюрьму (песни поэта не раз оказывались на скамье подсудимых), Пьер Жан и в тюремной камере думал о второй — о Лизетте.

Шли годы. Поэт старел. Старила и Лизетта. Но и в день своего пятидесятилетия поэт думает о ней. «Быть может, я никогда не знал вполне того, что наши прежние и новые романтики называют любовью, — напишет он позднее в своей автобиографии. — Но почтительная нежность, которую внушили мне женщины в моей молодости, никогда не переставала быть для меня источником сладчайших утех... Я благодарен женщинам, потому что им обязаны своим существованием моя поэзия!»

Это правда. Прожив долгую и красивую жизнь, снискав се-

бе славу национального политического поэта Франции, он поднял на пьедестал своих писем и ветреную Лизетту, гризетку, актрису, швею. Лизетта осталась с нами и тогда, когда 16 июля 1857 года в Париже скончался Пьер Жан Беранже.

Сцена — жестокое поприще человеческой деятельности. Для того, чтобы пробился способный подмастерье, бывало достаточно внезапного заболевания более опытного мастера, уже занявшего положение в труппе.

Примерно так случилось и в тот раз. Накануне премьеры заболела артистка. И роль Машеньки в спектакле «На всяко-го мудреца довольно простоты», которым открывал свой сезон 1898 года летний театр в Озерках под Петербургом, пришлось в этом безвыходном положении поручить юной особе, пришедшей в театр и заявившей, что она желает играть.

— Где вы учились драматическому искусству? — спросил ее антрепренер театра В. А. Казанский.

— Нигде.
— Где работали?
— Нигде.

Молодую особу все-таки зачислили в труппу. «Г-же Грановской», как значилась она в программах, к этому моменту исполнился двадцать один год. Позади у нее была немецкая средняя школа Анненштадт, на голове — шляпка, одолженная у подруги, а впереди — мечта о сцене и неизвестность.

Итак, если не считать нескольких выступлений в полубюджетном Василеностровском театре на Смоленском поле, Елена Грановская дебютировала на профессиональной сцене в пьесе Островского. При этом она не умела ни ходить по сцене, ни гиммировать, ни управляться с театральным костюмом и реквизитом. Всему этому предстояло учиться сразу.

Занятое проследить, как отмечал озерковские дебюты юной Грановской один из столичных театральных критиков: «У г-жи Грановской очень милая сценическая внешность, но — и только пока». Через несколько дней: «Недурна г-жа Грановская, только несколько монотонна; ей следует работать над разнообразием интонаций, тем более что ее голосовые средства ей это позволяют», — сказано об артистке, в будущей биографии которой богатство интонаций составит ее отличительную черту! Еще через несколько дней: «Мила г-жа Грановская; но неужели она так и застынет на одной точке? Хоть бы нашелся кто-нибудь, кто бы с ней поработал!»

Русская сцена будто премиряла молодую исполнительницу к себе. Сначала имел место некоторый «недолет». Вскоре, в следующем же летнем сезоне, произошел «перелет»: Грановской поручили драматическую роль в исторической драме «Измайл». Потом изумленные зрители Озерковского театра увидели ее Ириной в трагедии

Алексея Константиновича Толстого «Царь Федор Иоаннович». Наконец, ничтоже сумняшеся, молодая фарсовая актриса предстала перед ними... Юдифью в «Уриеле Акосте». Газетные рецензенты даже не брали ее, а ошарашенно просили заменить. Двадцатый век Грановская встретила своим первым, кажется, в жизни бенефисом, состоявшимся 4 (16) декабря 1899 года, для которого она выбрала немецкую комедию «Золотая Ева» и французский фарс «Война с женами». Бенефис судя по отзывам, особенного успеха не имел.

Так начинала свою сценическую жизнь Елена Грановская, играя каждую неделю новые, проходные роли, изображая посланики и субретек, певиц и заблудших жен. С каждым днем все ярче сверкали калейдоскоп веселых и грустных женских приключений, страданий, поражений и побед, маленьких женских судеб, жизней и даже смертей, и все это, вместе взятое, начало создавать артистке шумную, хотя и не всегда сно-кайную славу.

О Грановской много писали в первой половине ее творческой жизни и все меньше — во второй. Ее возносили до небес и швыряли в пропасть. Заявляли, что ее чувства «сделаны», что в артистке «совершенно отсутствует наивность», а потом — что «искусство ее игры — это искусство абсолютной правды». Вот почему, когда видишь Грановскую на сцене, то кажется, что ее роли не сделаны, а являются плодом как бы чистой импровизации». Утверждали, что для нее «нет места в комедии», и приходили к заключению, что она великая комедийная актриса.

Шли годы. Рядом с заурядными альковными фарсами появлялись в репертуаре артистки комедии и мелодрамы более серьезные. Судя по объективным и доброжелательным отзывам, Грановская возвышалась над теми и другими. Она создала на предреволюционной русской сцене многоликий, многоизначный образ маленькой женщины и ее мира. И сделано это было с огромным талантом, с высоким искусством перевоплощения. Она заставляла людей задуматься, сочувствовать заботам своих женщин, которые, не будь Грановской, оставили бы зрителей равнодушными. Случайно ли, что лучше роли в этих комедиях были исполнены сотни раз! Это коллекция тончайших миниатюр.

Порог первого года революции Грановская переступила с теми же ролями, что и начало века. Она снова появлялась на сцене как Ева, как Заза. Но наиболее чуткая часть новых зрителей и критиков разглядела в этих персонажах нечто значительное. Мариэтта Шатчиня, например, распознала в Зазе настоящую женщину с горячим сердцем, «слишком очаровательную, чтобы быть вульгарной». Писательница, современница артистки, поняла и подняла

ОКОНЧАНИЕ НА 4-й СТР.